

ОЦЕНКА ФЕНОМЕНА КОНТРАКУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В. Г. Ширяев

ASSESSMENT OF THE PHENOMENON OF COUNTER-CULTURE IN THE WORKS
OF THE WESTERN SCIENTISTS OF THE 1960s-1990s

V. G. Shiryayev

В статье предпринимается попытка проиллюстрировать наиболее существенные позиции североамериканских ученых о сущности контркультуры и сегментировать их в зависимости от признаков общности-разности. Показывается актуальность контркультурной проблематики на протяжении нескольких десятилетий середины XX века и по нынешнее время.

The paper attempts to illustrate the most significant position of North American scientists regarding the question of the nature of the counter-culture and to segment them according to the signs of commonness -differences. The relevance of counter-cultural issues for several decades from the mid 20th century to the present time is shown.

Ключевые слова: контркультура, бесструктурность, иррационализм, сексуальное освобождение, альтернативная система ценностей, коммунитарность, конфликт поколений.

Keywords: counter-culture, lack of structure, irrational, sexual liberation, alternative system of community values, generation gap.

Немногим более 50 лет ведутся споры в научном мировом сообществе на предмет природы контркультуры и механизмов ее существования и осуществления. Обильное количество публикаций и исследований по данной проблеме не свидетельствует об исчерпанности темы, как раз наоборот, побуждают более внимательно заняться ее изучением с доселе неиспробованных позиций. Заинтересованность в дальнейшем изучении проистекает из факта все более растущей значимости многовариантных форм контркультуры в современном мире, прямо или косвенно влияющей на развитие процессов макрокультуры, политики, экономики и духовной жизни. Путем изучения контркультурных стратегий в контексте ценностных и идеологических антиномий (таких как прогресс-регресс, ценность-антиценность, мудрость-безумие, коммунистическое-капиталистическое и др.) могут быть даны ответы о стратегической матрице, определяющей функциональное развитие процессов развития человечества и возможное нахождение рецептов по выходу из симптоматичных цивилизационных тупиков. Нами предлагается обзор взглядов различных западных (в большей степени американских) культурологов, психологов и социологов к предмету контркультуры за хронологический промежуток с 60-х по 90-е годы XX века.

Не претендуя на самостоятельную концепцию, но в то же время, являясь чрезвычайно информативными и значимыми, нам представляются интересными научные изыскания профессора социологии и психологии К. Кенистона. В сборнике статей конца 60-х годов «Молодежный раскол. Возникновение новой оппозиции» он дает полную картину политических, психологических, этических и социальных качеств и свойств, характерных для носителей нового революционного сознания в США в 60 – 70-е годы.

1. Текучесть, бесструктурность движения, отсутствие фиксированных целей. Враждебность любым готовым доктринам и формулам. Самое важное –

осознание себя, чем выговорить перед другими, что мы должны.

2. Решающую роль приобретает идентификация через возрастную группу. «Постсовременная молодежь» считает себя в первую очередь частью поколения, а не какой-либо организации. Незыблемых авторитетов нет, нет и традиционных героев, и старших лидеров.

3. Основной упор делается на персонализацию – т. е. на отношения «Я и ТЫ», поэтому неспособность установить прямые отношения «один на один» почитается самым большим грехом. Общим группам присущ антиаскетизм, экспрессивность и сексуальная свобода. Сексуальная эксплуатация или отсутствие взаимности решительно осуждаются.

4. Имеет место, скорее, стремление к открытости, к постижению всех аспектов чувств, мотивов и фантазий других, чем стремление к отделению от них. Национальные и расовые барьеры теряют свое прежнее значение.

5. Антитехнизм, направленный не против самой техники, а против обезличивания, которое она несет.

6. Стремление к созданию нового стиля жизни и новых типов организаций, которые бы способствовали раскрытию в индивидах личностного начала. Поиск таких новых форм приводит к возрождению трайбализма.

7. Антиакадемизм, который не следует путать с антиинтеллектуализмом. Простое невежество не поощряется. Это, скорее, стремление придать знаниям непосредственный жизненный смысл.

8. Психологическое непротivление, квиетизм, толстовское непротivление злу злом (практика Make Love Not War или символический ритуал поднесения цветов полицейским) [1, p. 237].

Позволим себе также упомянуть систематизацию основных признаков контркультуры с точки зрения еще одного американского исследователя – профессо-

ра М. Б. Смитта: 1) индивидуализм – в центре внимания находится человек, мера всех ценностей; 2) вера в возможность усовершенствования человека, игнорирующая политические и этические пути преобразования жизни людей; 3) ценность самораскрытия – «пусть все будет наружу»; 4) акцент на ситуации «здесь и теперь», отказ от планирования своей жизни; 5) гедонизм – «делай то, что тебе нравится», связанный с принципом «здесь и теперь»; 6) иррационализм – недоверие к науке и рационализму, интерес к мистике и оккультизму, к измененным состояниям сознания [2, р. 158].

Следующей крупной точкой зрения на феномен контркультуры является позиция Д. М. Ёингера, в которой он отводит контркультуре позитивную роль в обществе, поскольку она не является культурой всецело и полностью отрицающей культуру общества, в котором она сформировалась. Позитивная роль контркультуры заключается в стимулировании движения культуры социальной системы, которая способна развиваться только в условиях противостояния двух начал – дестабилизирующего (роль которого выполняет контркультура) и стабилизирующего (функции которого выполняет традиционная культура, одобряемая обществом). Контркультура, стремящаяся разрушить весь культурный слой или политические институты, созданные до появления контркультуры является, по Ёингеру, антикультурой. Руководствуясь художественным принципом модернизма, контркультура утверждает полную независимость эстетики от морали. То есть Ёингер трактует контркультуру как комплекс, набор или конфигурацию норм и ценностей группы, резко противоречащим нормам и ценностям, господствующим в обществе, частью которого эта группа является.

Следующей точкой зрения является подход Г. Дэвиса, который базируется на понимании контркультуры как культуры, которая возникла из норм и ценностей господствующей культуры путем инверсии, т. е. путем придания им обратного смысла. Г. Дэвис обращает внимание на то, что если в ценностно-нормативной системе буржуазного общества добропорядочность рассматривается как одна из значимых ценностей, то в рамках контркультуры она, наоборот, – антиценность, свидетельство мешанской ограниченности, филистерства тех индивидов, которые ориентированы на неё. Такое «зеркальное» превращение характерно и для сохранения индивидуально-личностных начал в бытии. Это относится, прежде всего, к сфере интимных отношений, вмешиваться в которые согласно нормам традиционной культуры и морали не позволительно. В контркультуре ценность личностного бытия отрицается и противопоставляется ценностям группового «Мы». Это обстоятельство позволяет Г. Дэвису поставить знак равенства между контркультурой и антикультурой и рассматривать контркультуру как нечто открыто противостоящее культуре современного общества, обладающее набором всех отрицательных характеристик, противоположных тем, которыми обладает культура как таковая.

Более полифоничным является взгляд на природу контркультуры у известного аналитика и профессора

психологии Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке Д. Янкеловича. В своих исследованиях социально-культурной ситуации 60-х годов он выделяет наиболее характерные черты контркультурной модели, такие как: носители контркультурного сознания воспринимают природу как модель гармоничной системы всех без исключения элементов, одним из которых является человек. Дарвиновская аксиома о природе как сфере борьбы за существование игнорируется и подвергается резкой критике; чувственное восприятие приравнивается в правах с абстрактно-понятийным мышлением в качестве одного из инструментов познания; постулируется возвращение к природе в духе Ж. Ж. Руссо, натурализация человека, считается, что только естественной природе человека, в отличие от искусственно навязанной обществом и культурой, присуща изначальная направленность человека на добродетель; коммунаский образ жизни, критика и призыв отказаться от института семьи; реновация моралии общественных условностей; склонность к мистицизму в различных проявлениях, недоверчивое отношение к научному знанию, агностицизм; выбор в пользу кооперации вместо конкуренции в общественных и иных отношениях; отказ от пуританской этики, выдвигание нового девиза: не «делать», а «быть»; отказ от объективности как метода достижения истины в пользу непосредственного ощущения, причастности, личного отношения; критика консюмеризма и модных брендов, стремление к простоте в одежде и естественному внешнему виду, отказ от косметической искусственности; приоритет невербальных форм общения; непризнание авторитетов; отказ от господства над природой; подчеркивание роли интроспекции, самопознания; отказ от моральных ограничений противоречащих самой природе человека; недоверие к любым формам организации и рационализации; приоритет сохранения природной среды над экономическим ростом, предложение принципов Degrowth-существования в экономике и политике.

Исследователь, размышляя о природе контркультуры, определяет ее в качестве социально-экономической настройки новой фазы экономического развития – постиндустриальной капиталистической. Причиной кризисных состояний, которые испытывает контркультура в последующие десятилетия, является ее глубокая взаимосвязь с экономическим базисом, который вступил в стадию экономического спада и кризиса. Тем не менее социологические исследования Д. Янкеловича, относящиеся к 70 – 80-м годам, свидетельствуют, что наибольший вклад контркультуры был сделан в сфере морали и общественного мнения западного общества.

Профессор философии и культурологи Ф. Слейтер в своей концепции контркультуры считает, что ситуация, сложившаяся в современном обществе – этоследствие процесса больших культурных изменений, смещения парадигмы, которое идет на протяжении десятилетий, если не столетий. «И в такие времена, кажется, что все движется в противоположном направлении и с ускорением» [3, с. 448]. Контркультура видится Ф. Слейтером в качестве ядра будущей культурной парадигмы. Такое становится возможным

вследствие происходящей в настоящее время «революции сознания» в различных социальных группах в современном западном обществе. Контркультура в данный момент позиционируется им в качестве угрозы, новой волны изменений для старого мира, для «цивилизации отцов и дедов», борьба двух культурных парадигм в самом разгаре. «Старая культура в ситуации выбора предпочитает право собственности правам личности, потребности НТР – потребностям конкретного человека, конкуренцию – солидарности, средства – целям, закрытость и засекреченность – открытости и обнаженности, ритуальное «общение» – самоутверждению личности, погону за обладанием – спокойной удовлетворенности, эдипову любовь-ревность – любви ко многим и т. д. Контркультура предпочитает в каждом случае обратное» [4, с. 232].

Ф. Слейтер занимался также причинами возникновения и массового развертывания молодежной контркультуры. Таких он выделяет три:

1) обеспеченный в результате модернизации западного общества на основе НТП переход от «экономики скудости» к «экономике изобилия». После второй мировой войны, в условиях революционного влияния НТП на систему общественного производства, обозначилось противопоставление ценностных ориентиров довоенного поколения «отцов» и послевоенного поколения «детей», поскольку «старшее поколение исходит из экономики скудости, а младшее – из экономики изобилия, избытка» [4, с. 232]. Высокий уровень жизни ведущих стран Запада на основе наукоемкой «экономики изобилия» вызвал в них ценностно-мировоззренческий конфликт поколений «отцов и детей». Производственно-технологические сдвиги в странах Запада позволили «удалить значительную часть молодежи за пределы рынка труда, из поля действия трудовой этики и создали сектор «верхнесреднего класса» с «вторичной» (альтернативной) системой ценностей» [5]. Социальной базой контркультуры выступила студенческая интеллигентская прослойка верхушки среднего класса, его интеллектуальная субкультурная среда. «Детство будущих бунтарей происходило в уникальных условиях свободы от ограничений, связанных с приобщенностью к трудовым заботам родителей. Гуманистический скептицизм, привитый молодым людям в семье, в сочетании с обесцениванием внешних наград в «обществе изобилия», ослабил импульсы к вертикальному продвижению» [5, с. 12 – 20]. Так возникло «классическое молодежное движение индустриально-развитых стран Запада, провозгласившее демократические лозунги антиавторитаризма, равенства, социальных преобразований и моральное превосходство молодежи» [5, с. 12 – 20];

2) широкое распространение системы высшего образования. Университеты как источники знаний и научно-технических инноваций в эпоху модернизации начали играть важнейшую роль во всей социальной жизни. «Поскольку университеты приобретают ведущую роль в развитии «высшей» культуры в США и Европе, постольку тенденции, бытующие внутри университетов, становятся тенденциями всей интеллекту-

альной жизни» [6, с. 263]. Не случайно протагонистами контркультуры выступили студенты из семей американского и западноевропейского «верхнесреднего класса». «Распространение высшего образования и привело к возникновению социальной прослойки, прививать своим сыновьям и дочерям ценности и черты характера, расходящиеся с требованиями доминирующей культуры. Изобилие подорвало мотивации к вертикальному продвижению, в результате возник новый социальный тип, новая субкультура молодежи – «гуманистическая молодежь»» [7, с. 339];

3) развитие технических средств массовой коммуникации или масс-медиа. Это привело к увеличению динамики социокультурной жизни в едином западном обществе и информационном пространстве, что в итоге включило большие массы молодежи в ее орбиту. Так как рост социокультурной динамики общественной жизни происходил во «временных рамках» одного поколения (50-е – 60-е гг. XX века). Контркультуру можно представить в качестве закономерного социокультурного феномена, выражающего энергию молодежной социализации, вызванную стремлением современной молодежи занять место «старшего поколения», приняв на себя его социальные функции и наполнив их новым содержанием и смыслом.

Если проанализировать позиции вышеупомянутых исследователей и добавить к ним ценностные суждения нескольких ключевых фигур, занимающихся контркультурной теорией, то мы получим следующую картину – разнородные подходы можно разделить на два лагеря, один из которых воспринимает контркультуру в качестве уникально нового явления, несущего обновление миру культуры путем передачи новых смыслов, ценностей и стратегий поведения. Второй же определяет контркультуру в качестве антагониста культуре путем активной передачи своих «антиценностей» стремящийся разрушить старую модель без конструктивных созидательных проектов и инноваций. К первому лагерю примыкают такие ученые, как Ч. Рейч, Г. Маркузе и Т. Роззак, а ко второму Г. Девис и Д. Белл. Весьма любопытной выглядит традиция изучения контркультуры в американском научном сообществе по принципам политической ориентации. В соответствии с этими принципами существует 3 школы – либеральная, консервативная и марксистская. Первая считает контркультуру закономерным этапом общественного развития, роль которого состоит в переоценке ценностей и установок (К. Сэйл, Р. Флэкс, С. Ротман, К. Кенистон). Вторая воспринимает контркультуру в качестве болезни западноевропейской культуры, «пира во время чумы» стагнирующего общества (Д. Белл, И. Кристолл). Третья делит контркультуры в зависимости от близости или удаленности от социалистических ценностей и групп на леворадикальную и мистически ориентированную, считая первую прогрессивным явлением, а вторую – как выступающую в качестве уродливого явления, символизирующего глубокий кризис капиталистического общества (Г. Маркузе, Б. Эренрайх, Ф. Опенгеймер).

Литература

1. Keniston, K. Youth and dissent: The rise of a new opposition / K. Keniston. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1971.
2. Smith, M. The Ras Tafari Movement in Kingston, Jamaica / M. Smith, R. Augier, R. Nettleford. – Mona: Inst. of soc. and econ. research, 1960.
3. Лири, Т. Искушение будущим / Т. Лири. – М.: Ультра Культура, 2004. – 448 с.
4. Тарасов, А. Н. Левые в России: от умеренных до экстремистов / А. Н. Тарасов, Г. Ю. Черкасов, Т. В. Шавшукова. – М.: Ин-т эксперимент. социологии, 1997. – 232 с.
5. Левикова, С. И. Молодежные движения США / С. И. Левикова // Вестник Московского университета. – 1991. – № 1. – (Серия 10, Философия).
6. Давыдов, Ю. Н. Социология контркультуры. Критический анализ / Ю. Н. Давыдов, И. Б. Роднянская. – М.: Наука, 1980. – 263 с.
7. Кукаркин, А. В. Буржуазная массовая культура: теории. Идеи. Разновидности. Образы / А. В. Кукаркин. – М.: Политиздат, 1985. – 339 с.

Информация об авторе:

Ширяев Виктор Геннадьевич – аспирант кафедры философии и молодежной политики ЕГУ им. И. А. Бунина, г. Елец, Россия, 8-951-302-55-73, Wik8958@yandex.ru.

Victor G. Shiryayev – post-graduate student at the Department of Philosophy and Youth Policy, Yelets State Bunin University.

Научный руководитель:

Скиперских Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии и молодежной политики ЕГУ им. И. А. Бунина.

Aleksandr V. Skiperskikh – research advisor, the Doctor of Political sciences, the Professor the Department of Philosophy and Youth Policy, Yelets State Bunin University.